

Общая раб. - 1996. -
12 сент. -
с 12.

ПЕРСОНА

Президент и премьер Василию не звонят

На вопрос «Кто делает программу «Куклы»?» в 90 случаях из ста последует ответ: Виктор Шендерович. Кто-то, возможно, добавит еще имена режиссеров Василия Пичула и Александра Левина. Строчка из титров «автор концепции и руководитель программы — Василий Григорьев» в сознании зрителя долгое время никак не материализовалась, пока в мае этого года Григорьев не появился на церемонии вручения «ТЭФИ» — получить приз за телевизионное событие года, а затем — на экране как гость программы «Герой дня». Но и теперь даже в телевизионной среде о Григорьеве знают мало, оперируя большими слухами. Достоверно известно, пожалуй, только одно — что живет он в Париже. Нелишне поэтому сообщить, что по образованию он сценарист, учился в мастерской В. Черных и В. Соловьева во ВГИКе, больше десяти лет живет на Западе. Член французского союза авторов мульти-медиа, журналист, режиссер и продюсер. Снял 16 полнометражных фильмов, показанных в прайм-тайм добрым десятком ведущих телекомпаний мира. О нем пишут ведущие французские издания. Впрочем, вытывать у самого Григорьева подробности его карьеры на Западе, как я выяснила, — занятие бесполезное.

— Василий, а на нашем телевидении вы когда-нибудь работали?

— Нет. Но два моих фильма рискнули показать Егор Яковлев и Игорь Малашенко в те времена, когда руководили «Останкино».

— А в чем был риск? Что, фильмы были острыми?

— Знаете, жизнь здесь настолько «остра» сама по себе, что говорить об остроте фильмов как-то язык не поворачивается. «Номенклатура» и «Горбачев — первое одиночество» (оба фильма снимались в соавторстве с Леном Карпинским) показывали людям власти с совершенно прозаической точки зрения. Тогда это было непривычно. Кому-то эти фильмы могли показаться вторжением в частную жизнь. И руководители «Останкино», принимая решение об эфире, безусловно брали на себя ответственность.

— Теперь становится понятно, почему с идеей «Кукол» вы пришли именно к Малашенко.

— Идея возникла раньше. Но предлагать ее государственному каналу в России было бессмысленно. Только НТВ заявило о себе как новое, независимое телевидение. Я поговорил с Малашенко, он сказал «да». Само по себе это еще ничего

не значило. Нужно было иметь мужество, чтобы, сказав «да», быть последовательным и не сказать потом «нет». В этом смысле я считаю Игоря Малашенко если не соавтором, то, по крайней мере, ближайшим партнером. Вы, вероятно, помните поход бывшего и.о. генерального прокурора Ильюшенко против «Кукол». Десять месяцев программа была в осаде. Шло глупейшее следствие. Я вообще не приезжал в Россию.

То, что в итоге Ильюшенко потерпел поражение, — результат неизменной позиции НТВ. Это пример последовательности. Если бы телекомпания заняла неопределенную позицию, я бы закрыл программу. Не потому, что испугался, просто не стал бы играть в эти игры.

— «Куклы», между прочим, победили еще и при дружной поддержке общественности и прессы.

— Да, мне очень приятна была та солидарность, которую проявили и наша, и международная пресса. Хотя при этом она работала и на себя — это был удобный повод говорить о России, о перипетиях российской политики. Ильюшенко, можно сказать, создал не только правовую, но и информационный прецедент. «Куклы» оказались в фокусе внимания прессы и телевидения во всем мире, от Японии до США. Это продолжается больше года. Ничего подобного, кажется, не случилось ни с одной телепрограммой.

— Кстати, как вы относитесь к тому, что в нашей прессе «Куклы» часто называют калькой с аналогичных английской и французской программ?

— Общее между нами то, что мы пользуемся куклами, похожими на политиков. По всем остальным признакам мы отличаемся. Поэтому в финальных титрах я ставлю свой значок «копи-райт», защищающий мои авторские права.

В мае 94-го, когда мы начинали, представление, что мы будем делать, было, пожалуй, только у меня. Вернее, я знал, что, но не знал, как. Надо было не повторить зарубежные программы, найти что-то национальное. Полгода мы пробовали разные варианты, но они нас не устраивали. Наконец, я вспомнил свои школьные годы, это наше среднее образование, общее для миллионов людей, выросших за последние лет пятьдесят. Мы все читали одни и те же книги, сдавали одни экзамены. И я подумал, что вполне можно пользоваться этой культурной антологией, делая «Кукол» на ее основе.

Этот прием, кстати, трудно было бы использовать в Европе или США, где образование куда более дифференцировано.

Это очень увлекательная задача — создавать массовый продукт на основе явлений культуры: дело для телевидения достаточно редкое.

Ведь не может же программа существовать автономно от телекомпаний?

— «Куклы» не существуют автономно, потому что были сделаны для НТВ и нигде, кроме НТВ, их не показывают. Я только не понимаю, при чем здесь политическая линия.

Сергей БОРИСОВ

Причем сразу скажу: никаких политических, идеологических задач мы перед собой не ставили — только профессиональные.

— То есть вы человек аполитичный?

— Я человек, который смотрит на политику со стороны.

— Но вы не можете отрицать, что «Куклы» — программа политическая?

— Я ее таковой не считаю. В «Куклах» нет ни одного положительного персонажа, любые попытки создать его в такой программе обречены на провал. Симпатии к персонажу возникают только на основе отрицательного обаяния героя. Поэтому манипулировать программой с конъюнктурными целями практически невозможно. Зритель это сразу увидит.

— Неожиданный пассаж. «Куклы», безусловно, воспринимаются в контексте политической линии НТВ.

— И вы не получаете никаких ЦУ и вольны всегда изображать кого хотите как хотите?

— В программе не стоит искать никаких зашифрованных заданий. Вы сломаете голову, если захотите обнаружить некие ЦУ в сюжетах «Кукол». Рамки дозволенного и недозволенного для программы «Куклы» определились сами собой в течение первых шести месяцев эфира. Это не цензурные, а, скорее, стилистические ограничения.

— Но я хорошо помню, как Виктор Шендерович говорил в прессе, и не раз, что какие-то программы были положены на полку.

— Никогда ни одна программа не была положена на полку. Две программы были задержаны, но потом вышли в эфир. Я отвечаю за то, что говорю. Шендерович имел в виду не готовые программы, а сценарии, которые, возможно, не устро-

или нас по профессиональным соображениям. Это обычный творческий процесс. Хотя Шендерович, безусловно, показал себя за это время не просто как автор реприз, а как очень талантливый писатель. При этом фантастически работоспособный. В течение полутора, если не ошибаюсь, лет он один еженедельно писал сценарии «Кукол». Сейчас мы привлекаем новых авторов — просто потому, что их в такой программе должно быть больше.

— Последний вопрос про политику. Неужели никто из протопитов кукол или их окружение не реагировало болезненно на сатирические выпады в их адрес? Или пример Ильюшенко их охладил?

— Не знаю. Мне лично ни Ельцин, ни Черномырдин не звонили.

— Скажите, а как вы руководите программой, живя в Париже? Все-таки, чтобы держать руку на пульсе, требуется непосредственное общение.

— Мы же с вами разговариваем не в Париже, а в Москве. Да, некоторое время я не приезжал в Россию, но существуют факс, телефон, самолеты летают не только из Парижа в Москву, но и из Москвы в Париж.

— Были программы, за которые вам стыдно?

— Конечно. Нам можно предъявлять претензии по вкусу, по такту, по таланту. Но «Куклы» нельзя судить по одной программе. Еженедельно писать сценарии и снимать фактически короткометражный фильм — вы представляете, что это значит? Я считаю, что, если одна программа из четырех хороша, — мы имеем право на существование.

— Ваши планы на будущее связаны с Россией?

— Одну программу можно делать, не переселяясь сюда. Но если их будет две или три, это займет большую часть моего времени. Свои фильмы на Западе я делаю в жанре, который очень люблю и которым здесь бессмысленно заниматься. Дело даже не в том, что российское телевидение пока не может платить такие гонорары, как в других странах, или хотя бы дать мне адекватный бюджет. Самого этого жанра, как значимого звена в телевидении, здесь пока не существует, и я не знаю, появится ли он когда-нибудь.

— Я слушаю вас и не могу понять: вы ощущаете себя уже иностранцем или пока россиянином?

— Я вам так отвечу. Наступает третье тысячелетие, и я надеюсь, что сакраментальная проблема пересечения границ будет наконец решена, у людей будет возможность жить там, где они могут лучше себя реализовать, и они больше не станут приписывать друг друга к стенке вопроса: а кем ты себя ощущаешь?

Беседовала
Галина ЧЕРМЕНСКАЯ